

*Лаборатория
успеха*

Кристина П.

П. Кристина

Лаборатория успеха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69162892

SelfPub; 2023

Аннотация

Чем может заняться человек, выйдя на пенсию? Стать заядлым дачником или любителем газет, нянчиться с внуками или отправиться в кругосветное путешествие? Все, кто угодно, но только не старый учёный Айзек Брендон ... В нем бурлит энергия, в нем закипает страсть, он из тех, кто не знает слова "поражение". Но что есть успех, и что есть счастье? Прочтите, чтобы узнать небольшую, но откровенную историю одного периода жизни профессора Брендона и его малого окружения.

П. Кристина

Лаборатория успеха

Маленький мальчик сидел за столом, подобрав под себя ноги, а его озорные темные глазки восхищенно ловили каждое действие отца. На маленьком стеклянном блюдечке рождались и расцветали новые миры, нет, даже вселенные. Мужчина уверенными и четкими движениями добавлял в густую жидкость чернила и краски, а его сынишка со свойственным детям любопытством хотел окунуть пальцы в удивительную смесь, но отец предостерег – нельзя, до тех пор, пока смола не застынет. Стоит отметить, что не они главные герои этой истории, нет. Но не переживайте, скоро мы с ним познакомимся.

А вот как раз и он, открывает дверь, дабы впустить на порог своего дома молодую семью. Когда как ни в День Благодарения можно собраться с родственниками, чтобы наполнить свои животы запеченной индейкой и тыквенным пирогом? Мужчина лет шестидесяти пяти был седовлас, но полон энергии как неутомимый Бильбо Бэггинс. Но он не стремился навстречу приключениям, а, наоборот, был человеком степенным, высоко ценившим стабильность в жизни. Он казался недовольным, и это чувство маскировал в наигранной деловитости, которая могла бы сойти за естественную в день праздника.

Немного кудрявый черноволосый мальчик подбежал к деду со спины, чем застал врасплох, и с гордостью подставил ему что-то под нос, ожидая, вероятно, одобрения, но никак не критики. Старик же, крепко ухватившись пальцами за седые волосы, возопил: «Святые угодники! Где ж это видано, чтоб так похабно варварски обращались с чашкой Петри?! Ведь теперь она безвозвратно испорчена!» Ребенок не знал, чем являлась «чашка Петри» и чем он осквернил эту святыню, и все же он решил, что впредь показывать дедуле свои творения не будет.

Дело было в Милуоки, штат Висконсин. Мистер Айзек Брендон здесь родился, учился, женился, в общем, прожил всю жизнь. Соседи видели в нем лишь профессора в области химии и микробиологии, на которого он, в общем-то, и был похож, что по внешности, что по разговору. Закрытый и нелюдимый на работе и в обществе, в семье он ощущал необходимый для каждого живого существа комфорт. Но одно событие все же ударило по нему словно обухом. Его единственная бесценная доченька решила выйти замуж. И все бы ничего, но за кого! Вы только подумайте, за художника, причем итальянского происхождения, коим он очень гордился. Он был молод, но работал в художественном музее и в творчестве своем имел неукротимые амбиции. Брендон не любил творчество, вернее сказать, не понимал его.

Когда его Шарлотта, будучи маленькой девочкой, взяла в руки гитару, он вздохнул, но вместе с тем решил, что жен-

щине углубляться в науку нет уж такой острой надобности, главное – подыскать ей удачную партию. А, по мнению Брендона, ею мог оказаться разве что человек образованный и состоятельный, лучше всего, конечно, молодой профессор или преподаватель естественных наук. И, о Боже, какое разочарование, итальянец! Наглый такой проныра, как она может его тщедушную хитрость не брать во внимание?! Ну конечно, она влюблена, это затуманивает рассудок и парализует бдительность. Любовь – она как болезнь, вот и вывод.

Заботливый старик рвал на себе волосы, но поделать ничего не смог. Свадьба состоялась. Шарлотта была счастлива. «Пока. Это пока» – обреченно качал головой Брендон.

Он с трудом высиживал семейные обеды и праздники, когда рядом находился этот итальянишка. Он угрюмо хмурил брови и причмокивал, лишь бы избавиться себя от удовольствия быть вовлеченным в разговор за столом. Спустя некоторое время ... Нет, молодая пара не рассталась вопреки его ожиданиям, но вот его собственная жена на пятьдесят пятом году жизни отошла в мир иной по причине опухоли, которую к его великому гневу доктора не сумели распознать на более ранних стадиях. Так мистер Брендон, прошу прощения, профессор Брендон стал затворником и погрузился в собственный мир науки.

Да, он вышел на пенсию, но способно ли это помешать истинному профессору и его будущим разработкам? Конечно же, нет. Он оборудовал подвал дома как свою личную

лабораторию. Он давно уже хранил там реактивы и проводил какие-то опыты, значение которых кроме него самого постичь не мог никто. Но теперь .. теперь уже вся его работа без остатка пережила переселение в подвал. Вся его жизнь, казалось, переехала одним уровнем вниз под землю. Наружу он выползал лишь по суровой необходимости.

Шарлотта и «Морелли как его там» переехали в Айову, где ему предложили весьма перспективное место. Айзек остался один. Один наедине с открытиями, которые собирался сделать. Никто его не отвлекал, не нарушал хода его мыслей, у него даже не было собаки, которую надо было бы кормить и выгуливать дважды в день. Полное спокойствие.

То ли ему в самом деле было так уж спокойно, то ли он просто не хотел признавать факта своего непомерного одиночества. Шарлотта из непродолжительных телефонных разговоров не могла понять этого, да и он сам, возможно, не мог. Он лишь привык жить так, как ему было удобно. Радости и разочарования сменяли друг друга: его лицо озаряла хитрая ухмылочка, когда он брался за новый эксперимент, и она сменялась кислой миной, такой, какую можно увидеть у ребенка, потерявшего свой песчаный замок на берегу моря, если эксперимент вдруг с треском проваливался.

Однажды он шел по городу с авоськой, из которой высовывались яблоки, молоко, сыр и свежая газета. Его голову отяжеляли какие-то мысли, в которых он никак не мог найти порядка и которые отравляли его глубокую удовлетворен-

ность сегодняшней погодой. С наступлением весны соседка все чаще напоминает, перегнувшись через свое окно, что газон перед его домом не помешало бы постричь. Каждый раз он бросает на нее свой привычный угрюмый взгляд, не обронив при этом ни слова. Если бы она только знала, насколько глубоко плевать ему на свою лужайку. Его прогулку прервали мальчишки, ох уж эти несносные подростки! На сей раз издеваются над беззащитным бомжом. Так и осыпают его ударами, а бедняга только и может, что вяло прикрыть голову руками. Старик подошел ближе, но бесстыдники его не заметили. Тогда громким и хорошо поставленным профессорским голосом он рявкнул на них так, что прохожие обернулись, забыв, куда направлялись и зачем. Малолетние преступники редко хотят наживать проблем, а потому в случае приближения хоть малейшей для себя угрозы без промедлений дают деру, вот как теперь.

«Спасибо, вы меня просто спасли!» – вымолвил он, отряхиваясь от пыли, но все еще валяясь на асфальте. Айзек предложил оборванцу подыскать какой-нибудь ночлег, чтоб снова не стать жертвой малолеток. Но тот ответил, что сделать этого не может, ведь у него нет ни пенни, а для большей убедительности он вывернул карманы перепачканных заношенных джинсов. «Ты, верно, голоден?» – спросил смягчившийся сердцем старикашка.

«С утра во рту не было ни крохи», – и бездомный жалостливо облизнулся на яблоко, торчавшее из авоськи. Но

профессор предпринял иной шаг и привел тощего как скелет парня в столовую своего дома. Присаживайся, чуждый гость, сегодня тебе улыбнулась удача. Только после второй порции лазаньи, которую буквально накануне сготовил приехавший с женой «итальянишка», удачливый бомж сообразил, что неплохо бы узнать имя своего благодетеля. Так они и познакомились, Айзек и Дэнни.

Мистер Брендон разрешил парнишке заглянуть и на следующий день, ведь при всей его «любви» к итальянской культуре, он бы к лазанье и пальцем не притронулся. А ведь нехорошо, пропадает продукт. И Дэнни, разумеется, пришел. У него итальянская кухня явно не вызывала отвращения. Ему было всего лет двадцать, но на первый взгляд и не скажешь. Такой запущенный человек, каких еще поискать. Наверняка от него воняло, как и от всех бездомных, вот только Брендон не чувствовал, за последние месяцы постоянных экспериментов в подвале с затхлым воздухом, пропитанным смрадом реактивов, обоняние совсем притупилось. В этот день он еще узнал, что Дэнни был дальтоником. И не какой-нибудь дихромат, нет, монохромазия, то бишь, полное отсутствие цветовосприятия, в чистом виде. Таких людей профессор еще не встречал, а Дэнни так и ушел в красноречие, описывая эту свою особенность. С его слов аномалия эта не такая уж и редкая, вон, дочка мэра и та цветов не различает. И ... и младший сын губернатора тоже. А вот откуда он знал эти факты, одному Богу известно. После обеда

они, как профессору казалось, расстались навсегда.

Айзек Брендон снова никак не мог заснуть. В последних экспериментах его стабильно преследовали неудачи. Он размышлял над тем, как же найти золотую жилу научных открытий. Ведь когда-то у него таковые уже были. Ох, он и забыл уже ту радость, сладостный ни с чем несравненный привкус успеха. И тут его осенило. Да-да, именно осенило. И теперь он уже не мог спать по иной причине. Ах да, и вы же знали, что ученые тоже имеют склонность делить шкуру неубитого медведя? Фееричные картины вставали перед его мысленным взором. Несомненно, у него все должно получиться. Чего обычно желают себе люди? Славы, власти и денег. Но не совсем этого желал наш старичок, лежа в своей постели. Его мотивы были глубже. Да, деньги, бесспорно, нужны. Но даже не на себя любимого, не на свою счастливую безбедную старость. Шарлотта. Конечно, он думал о дочери. Подозрительный тип Морелли, вот уж сколько лет к ряду нарушающий спокойствие сна Брендона, может бросить ее в любой момент, и никто не угадает, в какой. Она ни в чем не должна нуждаться. Он обеспечит ее и своего маленького внука. Пусть он получит лучшее образование, пусть поступит в лучший университет страны. Ничего не жалко ради великих целей. Да, сейчас он подражает отцу и много рисует, но, как и великий Луи Пастер, он должен оставить свои художественные начинания и с головой погрузиться в необъятную и всепоглощающую науку. Это лучший путь для него, уж дедуш-

ка то уверен, и для успеха этой кампании он готов пожертвовать хоть целым состоянием, которое собирался сколотить.

Тем временем маленький Луи Морелли жил так беззаботно и счастливо, как и подобает детям его возраста, не ведая и не представляя, какое будущее готовит ему любящий дед.

В подвале профессора Айзека Брендона закипела работа. В зоомагазине он приобрел нескольких крыс, а еще раздобыл где-то драную кошку. Он возился над какими-то склянками, а животные в исступлении шмыгали носами, не понимая, для чего они могли пригодиться чокнутому старику.

И наконец у него что-то стало получаться, лицо озарилось классической ухмылкой. Пора переходить на новый уровень. А что, если он не захочет? Ну нет, такого быть не может. Сейчас самое главное – это найти его. И Брендон пошел искать. Это было нетрудно, бродяга как всегда сидел на дороге, ведущей к супермаркету. Это было выгодно, некоторые добрые люди иногда оставляли ему часть своих покупок: немного ветчины и хлеба, сыра или яблок – так он и не помер с голоду даже в самые жестокие времена. На этом месте они и заключили сделку, согласно которой Брендон обязывался кормить оборванца, а тот в свою очередь предоставлял свое тело на жертвенник великой науки. Нет, ничего опасного для жизни в этом не будет, как уверял его профессор. Человеку, у которого нет ни крова, ни пищи, показалось, что терять ему уже нечего, а так хоть желудок будет стабильно полон, на тот момент это была вершина его вожделенных потребностей.

Но сначала Айзеку требовалось проверить, насколько бродяга соответствует требованиям, а потому он притащил его в свой излюбленный подвал и приказал ничего, ничего не трогать и не переставлять. «Ладно, ладно», – отвечал Дэнни, поднимая обе руки так, словно перед ним был офицер полиции. Детальному анализу и скрупулезному изучению подверглось все, что только могло: кровь, слюна, ушная сера и даже сперма. Ученый глубоко удовлетворился результатами и заключил, что Дэнни – просто находка. Несмотря на свою чрезмерную худобу он был здоров как мул. Чист от наркотиков, сух от алкоголя, венерические заболевания неведомы ему – в общем, бомж, каких поискать.

Конечно, Дэнни не мог предположить, насколько ценен Брендону, именно он, а не кто-то другой. Заменить его при всем желании не смог бы никто, но профессор постарался не дать бродяге осознать свою важность в его исследованиях, чтобы тот не попытался выдвинуть новых требований. И он не пытался, довольствуясь теплыми обедами.

А где-то в Айове ... творил в своей мастерской известный в малых кругах художник Джошуа Морелли. Из динамиков мощными волнами выплескивался хард-рок, а он с азартом прямо-таки выливал на холст густую темно-синюю краску. Его рабочее место находилось в полнейшем беспорядке, и только он один мог углядеть в нем какую-то систему. На полу валялись разных размеров тряпки, все до единой перепачканные и скомканные. На стенах и на полу висели и стояли,

облокотившись друг на друга законченные картины. В припадке творчества он мог показаться человеком безумным, но увлеченным до того, что это восхищало. Он неизменно слушал музыку за работой. Она была настолько разной, что тяжело поверить, что ее мог слушать один и тот же человек. Обычно она отражала то, что было у него на душе и что он собирался вложить в новое творение. Он любил использовать разные стили и осваивать новые техники. Он не боялся, оставляя старое, идти в неизведанное будущее и поддерживал новаторство в искусстве. Нахождение нестандартных путей и экстраординарных решение и обеспечивало ему удовлетворенность проделанной работой.

Но вот он закончил: вырубил музыку, закрыл тюбики с краской, прибрал кисти и, перешагивая через картины, тряпки и палитры на полу, направился к выходу, чтобы сесть в машину и через полчаса воссоединиться с семьей. Он появился в дверном проеме, когда она, склонив голову над гитарой, с обаятельной улыбкой пела какую-то песню, а дети вслед за ней подхватывали мелодию. Она не заметила его. Как же любил он моменты, когда мог приехать пораньше и застать эту восхитительную картину, полную энергии мимолетного счастья.

Шарлотта работала детской учительницей и преподавала музыку. Сегодня она отпустила учеников ровно в три часа, когда родители уже ожидали их у выхода. Она считала своим долгом обращать их внимание на то, на что она сама

его обращала, особенно когда наблюдала у своих воспитанников выраженные способности. Вот и сейчас ей потребовалось буквально десять минут, чтобы поговорить с миссис Зеглер, чей сын из раза в раз проявлял неподдельный интерес к флейте. Потом она уехала, она, Луи и Джошуа. Дорога до Милуоки занимала около четырех часов.

Она взбежала на крыльцо, держа в руках большую картонную коробку с домашним тортом. После третьего звонка дверь открыл одичалый профессор. Выглядел он так, как если бы работника Пентагона оторвали от выполнения его обязанностей. Увидев перед собой дочь, низкорослый заросший мужчина как бы о чем-то задумался, а потом стал кивать сам себе головой, припоминая, что сегодня день его рождения. Он совершенно не хотел отмечать этот праздник и, казалось, вовсе забыл о нем, пока ему не напомнили. Но он был занят, как всегда, слишком занят. Он просто помыслить не мог о том, чтобы впустить в свой мирок ученого этих людей, ведь они нарушат бесценный неосязаемый баланс его рабочего процесса. Он сосредоточенно перебирал варианты альтернативных возможностей. Конечно, все эти действия его мозг выполнил за секунду, не больше. Старик вышел навстречу гостям и прикрыл за собой дверь. «Давайте мы лучше сходим в ресторан», – подытожил он, сказав перед этим еще что-то. Шарлотта пыталась протестовать: она испекла торт, проехала с ним столько миль, хотела посетить родные места детства, но вот, ее почти что выталкивают с порога. «Ни-

чего-ничего, торт тоже поедим в ресторане». С упрямством мистера Брендона спорить было бессмысленно, и все четверо направились в ресторан.

«Надеюсь, он не по итальянским рецептам?» – осведомился старик, с подозрением разглядывая кусок торта и переводя взгляд на Морелли. «Нет, папа, по нашим традиционным». Тогда виновник торжества в ресторане, удовлетворившись ответом, продолжал чаепитие. Он не стал спрашивать, чем же занимается итальянец, какие пишет картины и пользуются ли они успехом среди общественности – это не интересовало его. Но его огорчило, что его внук увлекается музыкой, равно как и изобразительным искусством. Подражает родителям, конечно. Но ничего, это может измениться, не все еще потеряно.

Наступил вечер, Айзек Брендон был сыт по горло обществом самовлюбленного итальянца, но это означало и то, что свой долг он выполнил, и увидятся они не скоро. После такого ужина отдыха ему требовалось больше, чем после недели напряженной работы в подвальной лаборатории. А работа в колдовской лаборатории продолжалась и днем и ночью. Бывало, кошка жалобно мяукала, а крысы надрывно пищали, но потом им назначался отпуск и обильная кормежка, схожая с ними судьба была и у отчаявшегося бездомного Дэнни.

И, наконец, в один прекрасный день дрожащими руками он в трепете поднял пузырек с голубовато-бесцветной жидкостью к светодиоду, чтобы полюбоваться своим творением.

В нем не было ничего особенного, но он, Айзек Брендон видел в нем все, весь смысл жизни. Опыты были успешно проведены: сначала на животных, затем и на Дэнни. Было ли это законно? Вряд ли. Но Брендон добился феноменальных успехов. Сначала он изобрел так называемые «жидкие линзы» – капли, которые улучшали зрение часов так на пятнадцать. Просыпаешься утром, по капли в глаз – и до вечера ты свободен от очков словно узник от цепей.

Но это было только началом великих изобретений Айзека Брендона. Он придумал, как можно побороть куриную слепоту, но эффективность препарата наверняка не знал. Наконец он добрался и до дальтонизма. Добился того, чтобы мир Дэнни из черно-белого стал хотя бы малоокрашенным. Путем долгих бессонных ночей, безрезультатных экспериментов и многих страданий он сумел вывести формулу, подарившую Дэнни жизнь, полную красок. И пусть это было ненадолго, но оно все же было! И притом было совершенно безвредно для здоровья.

Соседи считали его глубоко несчастным стариком, но если бы они только знали! Мистер Брендон жил жизнью полной и насыщенной и ни в чем не имел нужды. Дело пошло. За почти полным отсутствием рекламы оно не встало, покупатели, фигурально выражаясь, вставали в очередь. Мэр и губернатор стали его постоянными клиентами. И откуда только повывлезали все эти люди с проблемным зрением?! Малый круг ценителей его чудотворных препаратов ширился с каж-

дым днем. Он установил монополию на свою продукцию и не допустил бы ее массового производства ни за какие богатства этого мира. Его банковский счет постоянно пополняло количество нулей на конце. Айзеку Брендону пришлось бы махать перед вашим носом тряпочкой с нашатырем, если бы он вдруг сказал вам, сколько стоил один пузырек его фантастических капель.

Но что же дальше? Айзек тешил себя фантазиями, как когда-нибудь он увидит письмо о приеме своего малыша Луи в Лигу Плюща. Он даст внуку все, чего бы тот не пожелал, он сможет подарить ему целую лабораторию, превосходящую ту, в которой он сделал свои лучшие открытия, в десятки раз. Лишь бы он поскорее бросил кисти и взялся за микроскоп. Художник – не профессия для мужчины, ладно еще хобби, но уж никак не работа, он не мог поощрять этого, как бы безгранична ни была его любовь. На краски и холсты он не выделил бы ни пенни. В последние недели Брендона мучила бессонница. Казалось бы, с чего, ведь теперь нет причин для волнения. Он потел, ворочался и кряхтел, его мучила тупая боль в левом боку, а потом он проваливался в тяжелый сон. Раньше он вскакивал вместе с солнцем, теперь же не мог подняться с кровати. Нет, это была не лень, но что-то другое, что вскоре стало слишком сильно тревожить его, чтобы продолжить игнорировать это.

Он пошел к доктору с жалобами на бессонницу. Доктор прописал таблетки, которые ему не помогли. Он пришел

снова – доктор направил его на комплексное обследование. Брендон бурчал себе под нос недовольный тем, что из-за банального нарушения режима сна он теперь должен посетить каждого специалиста. Но доктор сумел поставить диагноз – опухоль, ничто иное. Неоперабельная. Болезнь оказалась такой запущенной, а диагноз таким неутешительным, что его только и могли спросить, есть ли ему, кому позвонить. Нет. Старый профессор не хотел никому звонить, не хотел никого видеть. Шарлотта примчится настолько быстро, насколько способен позволить транспорт, но вместе с ней, вероятно, примчится и Морелли, от которого его тошнило едва ли меньше, чем от болезни. К тому же он был слишком горд и не хотел, чтобы его помнили слабым и немощным, ему нечего было сказать дочери, а огорчать ее раньше времени он отказался. У Дэнни и телефона то своего не было, а даже если бы был, зачем ему, в сущности, звонить Брендон тоже не знал.

Он производил волшебные капли до тех пор, пока мог делать хоть что-то. В разговорах с дочерью он стал терпеливее, а голос его звучал уныло, но на ее вопросы он отвечал, что просто немного устал. Спустя некоторое время он умер.

Рослая светловолосая девушка впервые за долгое время переступает порог этого дома. Одновременно он кажется ей родным и совершенно непривычным. Он превратился в логово старого холостяка, потерял уют и тепло. Перешагивая через книги и диванные подушки, она направилась в кухню. Здесь все еще чувствовалось его присутствие. Будто через

минуту он распахнет дверь и, как чокнутый профессор, влетит, сметая все на своем пути и крепко хватаясь за волосы, потому что его голову вновь посетила какая-то искрометная мысль. Но она знала, что этого никогда больше не произойдет. В ее красивых зеленых глазах проступили слезы, но она знала, что не позволит им выкатиться, слишком много их было пролито сегодня. Она услышала какой-то шорох в гостиной. Но никого не было видно. Она собиралась было уйти, как вдруг кто-то поднялся с дивана. Это был молодой парень, вид у него был заспанный, он потирал глаза и, зевая, прикрывал рот. Они уставились друг на друга и простояли в молчании с минуту, прежде чем он сказал: «Привет, я Дэнни», – и протянул ей руку. Это был уже не тот бродяга Дэнни, которого все мы хорошо помним, слишком много воды утекло с тех пор. Теперь он был похож на человека, вполне нормального человека.

– Я знал, что вы приедете, я ждал вас. Мы видимся с вами впервые, но, кажется, я давно с вами знаком, – он замялся. – Пойдемте, я покажу лабораторию.

Не успела она удивиться, что какой-то незнакомец выполняет в ее собственном доме роль экскурсовода, как они уже спустились вниз, а несколькими минутами позднее к ним присоединились Джошуа и Луи. Здесь царил полный бардак, но Шарлотта знала, что ее отец бы с этим не согласился. В чашках Петри завелись новые цивилизации, и колонии микроорганизмов вели ожесточенные войны на территории

стеклянных кружляшков. На столах валялись какие-то растения, они же росли в горшках, подвешенных под потолком. Стояли сотни подписанных колбочек и склянок, и нельзя было знать наверняка, способно их содержимое убить тебя или исцелить. «А ведь у нас с ним было что-то общее», – подумал Джошуа, взглянув на то, что он часто называл художественным беспорядком. Шарлотта открыла несколько ящичков и в самом большом из них обнаружила конверт, на котором аккуратным почерком ее отца было выведено: «Моей дорогой дочери, Шарлотте Элисон Брэндон». Они поднялись наверх, чтобы выпить чая и выслушать малую часть рассказа Дэнни. И все четверо ночевали тогда в доме Айзека Брендона.

В доме стоял затхлый воздух, пропитанный аурой одиночества. Шарлотта затопила камин и сидела в окружении набитых до отказа книжных шкафов из красного дерева. Все давно заснуло, и она осталась одна наедине с конвертом. Вот она, последняя весточка от отца. Шарлотта потеряла обоих родителей, теперь она сама родитель, а ребенком уже не приходится никому. Она испытывала странное чувство и не смогла бы охарактеризовать его, даже если бы мы ее попросили. Она вскрыла письмо.

«Дорогая Чарли,

Я бы хотел задержаться в этом мире подольше, но увы. Надеюсь, ты простишь меня, что не сообщил печальные вести. Не волнуйся, смею тебя заверить, мне не было одиноко. Я не Харпер Ли и не имею дара заворачивать мысли в

красивые обертки, а потому буду говорить прямо. При всей моей большой любви к тебе я вынужден признать, что так и не смог побороть чувство неприязни и подозрительности по отношению к твоему супругу. За последние годы я сделал ряд научных открытий, не могу сказать, чтобы я сильно гордился их масштабностью, но они сумели принести мне определенный доход. На всякий случай, хоть мы и будем молиться, чтобы он никогда не настал, я прилагаю к письму формулу, самую особую и прибыльную мою формулу – это препарат весьма дорогой и востребованный. Дом при желании ты сможешь выставить на продажу, хоть мне и больно помыслить, что в нем станут жить другие люди. Обеспечь Луи лучшее образование, лучшее будущее. Знаю, ты хочешь, чтобы он сам избрал путь, и хочу верить, он изберет верный. Только об одном тебя прошу: никогда, повторяю, НИКОГДА не позволяй пустить мое изобретение в массовое производство. Это мое детище и самое ценное, что я только могу оставить тебе, моей единственной дочери. Если этот препарат начнут клепать на своих фармацевтических заводах крупные предприятия, в аптеках ему цена будет не выше, чем на *Repto-Bismol*. Только за собой сохрани право на его производство. Я хочу быть уверенным в том, что у тебя остается источник стабильного дохода, который даст тебе все, в чем ты будешь иметь потребность. И последнее мое наставление: будь счастлива и успешна во всем. Всегда.

С любовью, папа»

Той ночью она так и заснула на диване в гостиной с письмом в руке. За завтраком Дэнни продолжал свое повествование, Джошуа и Луи внимали каждому его слову.

– Первый раз я сбежал из дома, второй раз меня выгнали. Я не просыхал и постоянно жил на улице. Голод вынудил меня балансировать на грани существования. Пить пришлось бросить и сознанием вернуться в несносную реальность бытия. Так я прожил года два, питаюсь, чем придется. А потом я встретил мистера Брендона, вернее сказать, он нашел меня. Мы заключили сделку. Сомневаюсь, что такие сделки в порядке вещей, но тогда мне было все равно. Натерпеться пришлось многого. Однажды в ходе эксперимента он чуть не выжег мне глаза. Но даже если бы я потерял зрение, которое и так слишком часто меня подводило, желудок мой ни в чем не знал нужды. Сначала я приходил к нему несколько раз в день, терпел его опыты, проходил диагностику. Иногда не случалось ничего, иногда появлялась боль, но потом начинали происходить какие-то чудеса. Он радовался как ребенок и потирал ладони в предвкушении больших успехов. Постепенно я стал узнавать его привычки, хотя старик он был скрытный. Через некоторое время он пустил меня пожить в гараже. Впервые за многие годы в моей жизни появилось какое-то подобие комфорта и стабильности. Обед по расписанию, капли тоже, крыша над головой. О большем я тогда и мечтать не мог. Он сделал ряд открытий и разбогател на них. Но представляете, он не выбросил меня на улицу, это был

воистину добрый старик. Во всех смыслах он добавил в мою жизнь красок. Когда мы встретились, я был отбросом общества, но, несмотря на его противозаконные эксперименты на мне как на подопытном кролике, во мне наконец-то проснулась воля к жизни. Я набрал в весе и внешне «стал более походить на среднестатистического представителя человеческого вида», – как он выражался. Я подыскал работу, а затем и жилье. Забавно, но встреча с ним подарила мне новый шанс, и я в век этого не забуду.

Отметим, что рассказ этот иногда прерывался, например, когда Дэнни хотел глотнуть апельсинового сока или откусить тост, или когда ему приходилось отвечать на вопросы.

Вскоре Шарлотта обнаружила, что немало разбогатела, получив наследство. Она еще не раз спускалась в подвал в попытках хоть немного разобраться в его таинственной душе. Маленькие бутылки с глазными каплями – единственное, что в лаборатории было расставлено согласно системе, понятной простым смертным, имели этикетки с обозначениями разных нарушений зрения. Здесь как в оптике, капли можно подобрать с идеальной точностью. Она нашла его журнал научных открытий, его блокнот формул, который походил на поварскую книгу рецептов. За ее спиной стоял Дэнни, но она не замечала его, пока он не заговорил.

– Помню, он вечно болтал со своими склянками или же с самим собой. Одной из его излюбленных фраз была .. да как же ее .. *Dans les champs de l'observation* ...

– *le hasard ne favorise que les esprits préparés*, – закончила Шарлотта.

– Да-да, именно так.

– В области наблюдений случай благоприятствует только подготовленному уму. Цитата Луи Пастера, отец его глубоко уважал и любил, – на ее лицо прокралась печальная улыбка.

Перед Шарлоттой встала дилемма: что же делать со всеми этими подвальными сокровищами? Джошуа, прекрасно помня, с какой теплотой и любовью к нему относился покойный, весьма тонко самоустранился от принятия каких-либо решений, он знал, что каким бы ни было его мнение, старик был бы недоволен одним лишь тем, что итальянец посмел его высказать. Луи часто спускался в подвал и подолгу рассматривал стеклянные колбочки, ведь к десяти годам ни капли не утратил своего любопытства. И как-то Шарлотта решила посвятить сына в великую тайну его деда, ведь как бы там ни было, он тоже был его наследником. Она усадила его в кресло гостиной, а сама села напротив. Достав пузырек прозрачной жидкости и заправив непослушную прядь за ухо, она забавно приподняла брови и спокойно заговорила:

– Смотри сынок, это волшебные капли, которые изобрел дедушка. Есть люди, которые не различают цветов, они видят мир лишь в ограниченном количестве оттенков, – она знала, что как художник он сразу поймет, и убедилась в этом, когда он сочувственно стал кивать головой. – Так вот эти капли, – она показала пузырек, – могут разукрасить мир этих

людей в тысячи оттенков, правда, есть одно «но», эффект непродолжительный, около пятнадцати часов. Дедушка хотел, чтобы мы делали такие капли и продавали их людям с бесцветным зрением. Мы бы заработали много денег, потому что капли стоят дорого...

– Но далеко не все люди могли бы их себе позволить, – подытожил Луи невысказанную мысль.

– Верно. Что бы ты предложил? – поинтересовалась мама.

– При всех наших усилиях мы не смогли бы сделать столько волшебных капель, чтобы их хватило всем. Но нехорошо оставлять людей жить в мире без цветов и красок, ведь это так ужасно ... – он задумался. – Придумал! Нам надо позвать кого-нибудь на помощь. Кого-нибудь, кто, также как и мы, смог бы создавать волшебные капли. Чем больше рук, тем больше можно сделать. Помнишь мультик «Рататуй», где у них в конце был большооой ресторан, потому что все они сплотились ради общей цели.

– И тебя даже не пугает то, что мы можем стать бедными? – ей уже стало интересно.

– Мамочка, мы ни в коем случае не останемся бедными. Чем больше мы сделаем капель, тем больше и продадим. И я никак не могу представить, что мы станем бедными.

Маленький Луи, не смыслил ничего ни в экономике, ни в рыночных отношениях, ни в законах спроса и предложения. И все же он высказал мысль, в которой не было ни капли алчности или меркантильности, но лишь искренняя детская

забота о людях, которую всегда родители поощряли в нем. Мама сказала, что в таком случае волшебные капли можно будет найти в любой аптеке. И он уже мечтал о том дне, когда его подруга-художница сможет ими воспользоваться и увидеть жизнь во всем ее великолепии и буйстве красок.

Шарлотта не побоялась нарушить последнюю волю отца, потому что была убеждена в правильности принимаемого решения. Каждый человек проявляют доброту так, как умеет делать это. Старый профессор действовал из лучших побуждений, заботясь о дочери и внуке, но и семья Морелли принимала свои решения из лучших побуждений. Так имя Айзека Брендона стало известно на весь мир как имя человека, придумавшего чудотворные капли для дальтоникиков. Да, его имя увековечено, как было некогда и имя Пастера. И даже если Луи Морелли не станет великим ученым, изобретателем или профессором, он сумеет прожить свою жизнь счастливо, перенося на холст горные пейзажи и цветущие поля и сочиняя веселые мелодии на укулеле. И, возможно, старина Айзек Брендон, производя свои наблюдения и анализ теперь откуда-то сверху, со временем если и не одобрит, то хотя бы поймет решения этих столь глупых, но отчего-то таких довольных жизнью людей.